

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98
УДК 327.721.3+ 327.5(045)

Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов России и Афганистана

Х. Рахматулла

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Установление движением «Талибан»* фактического контроля над территорией Афганистана в 2021 г. после вывода войск США определяет актуальность исследования проблематики внешней политики страны, от которой зависят ряд региональных и континентальных проектов, гарантии безопасности стратегически важного для Российской Федерации региона Центральной Азии. Рассматриваются предпосылки формирования национальных интересов Афганистана и Российской Федерации, их декларируемые приоритеты и реализация в рамках внешней политики. Исследование базируется на диалектическом подходе. При проведении исследования использованы системный, институциональный подходы и статистические методы – контент-анализа, качественного анализа тематических изданий, исторического исследования факторов и условий реализации внешней политики государств. В качестве источников информации использованы официальные документы, отражающие состав национальных интересов, заявления политических элит, публикации в периодических изданиях, данные систем национальных счетов, международных организаций. Полученные результаты констатируют сходства и различия в составе приоритетов внешней политики Российской Федерации и Афганистана в XXI в., стремление к суверенитету как базовый тренд проводимой странами политики. Показано, что для обеих стран стремление к суверенитету во внешней политике сопряжено с обострением противостояния с США и их странами-партнерами по военно-политическим и экономическим союзам. Проиллюстрированы различия в состоянии гарантий суверенитета между российской и афганской внешней политикой. Представлены аргументы в пользу безальтернативности апеллирования во внешней политике обеих стран к региональным и глобальным центрам силы для повышения своей легитимности, укрепления ресурсного потенциала и, в конечном счете, проведения независимой внутренней и внешней политики. Дальнейшие исследования выбранной проблематики во многом определяются накоплением эмпирических сведений о проводимой движением «Талибан» внешней политике, формальной декларации ее целей.

Ключевые слова: национальный интерес; суверенитет; гарантии суверенитета; геополитика; внешняя политика; Талибан; Центральная Азия; российско-афганские отношения

Для цитирования: Рахматулла Х. Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов России и Афганистана. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):83-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Priorities and Geopolitical Situation in the System of National Interests of Russia and Afghanistan

H. Rahmatullah

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The establishment by the Taliban* of de facto control over the territory of Afghanistan in 2021 after the withdrawal of U.S. troops determines the relevance of the study on the foreign policy of the country, on which a number of regional and continental projects depend, guarantees of security of the strategically important for the Russian Federation region of Central Asia. The prerequisites for the formation of national interests of Afghanistan and the Russian Federation, their

* Признано в Российской Федерации террористической организацией / It is recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

declared priorities and implementation in the framework of foreign policy are considered. The study is based on a dialectical approach. The research used systematic, institutional approaches and statistical methods, methods of content analysis, qualitative analysis of thematic publications, methods of historical research of factors and conditions of implementation of foreign policy of states. Official documents reflecting the composition of national interests, statements of political elites, publications in periodicals, data of national accounts systems and international organizations were used as sources of information. The results obtained indicate similarities and differences in the composition of priorities of foreign policy of the Russian Federation and Afghanistan in the XXI century, the desire for sovereignty as the basic trend of the policy pursued by the countries. It is shown that for both countries the pursuit of sovereignty in foreign policy is associated with the aggravation of confrontation with the United States and its partner countries in military-political and economic alliances. The article illustrates the differences in the state of sovereignty guarantees between Russian and Afghan foreign policy. The author presents arguments in favor of the irreversibility of appealing to regional and global centers of power in the foreign policy of both countries in order to increase their legitimacy, strengthen their resource potential and, ultimately, conduct an independent domestic and foreign policy. Further research on the selected issues is mainly determined by the accumulation of empirical data on the Taliban's foreign policy and the formal declaration of its goals.

Keywords: national interest; sovereignty; sovereignty guarantees; geopolitics; foreign policy; Taliban; Central Asia; Russian-Afghan relations

For citation: Rahmatullah H. Dynamics of priorities and geopolitical situation in the system of national interests of Russia and Afghanistan. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):83-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть XXI в. демонстрирует высокую динамику в изменении геополитической конъюнктуры международных отношений, оказывая влияние на национальные интересы и приоритеты внешней политики государств. В 2000-е гг., в духе неолиберальной повестки, приоритетами внешней политики большинства стран являлись снижение барьеров в движении капитала всех форм, «мягкая сила», многовекторная интеграция, вопросы экологии. Военно-политический аспект международных отношений концентрировался на миротворческих операциях ООН и союзников по НАТО и «войне против терроризма» («war on terror») США. На рубеже 2010-х гг. наметились признаки конфликта в отношениях России и стран условного коллективного Запада на фоне тренда общественно-политических кризисов («цветных революций»), расширения НАТО и стремления российской стороны проводить суверенную внутреннюю и внешнюю политику. К середине 2010-х гг. силовые инструменты внешней политики утвердились в повестке международных отношений все большего количества стран, а к второй половине 2010-х гг. популярность получили и экономические санкции. В начало 2020-х гг. ведущие державы мира, глобальные и региональные центры силы, малые страны вошли в кардинально отличающихся от сравнительно недавних по историческим меркам условиям геополитической конъюнктуры. Сотрудничество в решении глобальных проблем уступило место военно-политическим конфликтам, экономическая интеграция дополнилась трендом регионализации, в научном и политическом дискурсе все активнее обсуждаются деглобализация, дедолларизация, противостояние стран глобального Юга и Севера.

В подобных условиях актуальным и значимым становится повышение информированности экспертного сообщества и субъектов политической деятельности о приоритетах проводимой страной внешней политики, в особенности стран, чья внешнеполитическая ориентация подверглась существенной трансформации. Одной из таких стран является Афганистан после вывода войск США и установления контроля над политическими институтами представителей движения «Талибан». Спустя четыре года после падения Исламской Республики Афганистан (ИРА) и провозглашения Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) властями страны не представлено комплексного документа, отражающего национальные интересы, видение основных угроз и приоритетов развития. Наблюдаемый пересмотр позиции Российской Федерации в отношении признаваемого террористической организацией «Талибана» указывает на ее готовность к коммуникации, взаимовыгодному сотрудничеству. Настоящая статья посвящена поиску точек соприкосновения, пересечения и конфронтации национальных интересов Российской Федерации и современного Афганистана.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование национальных интересов и внешней политики рассматриваемых стран как инструмента их реализации в международных отношениях опирается на концептуальный базис работ Ч. Бирда, Дж. Кеннана, У. Липпмана, Г. Моргентгау, Дж. Розенау, К. Уолтца, В. Уолфорта, А.Д. Селюкова, А.П. Цыганкова, представителей структурного реализма и Копенгагенской школы исследований безопасности (Б. Бузана, О. Вейвера, Дж. де Вайлда) и положения

конструктивизма. Обращение к структурному реализму позволяет интегрировать в логику исследования неразрывную взаимосвязь национального интереса и национальной безопасности, концепт силы, условие конкуренции национальных интересов государств как императив международных отношений. Национальный интерес при этом рассматривается как:

а) комбинация объективно значимых потребностей гражданского общества и суверенного государства (по М.В. Ильину);

б) побудительная сила [1, с. 12] в отношении субъектов международных отношений;

в) процесс интерпретации политическими элитами (политизации), отраженный в приоритетах внешней политики государства. Формальное отражение [2, с. 133], декларация национальных интересов в современных международных отношениях повышают уровень прозрачности позиций стран.

Национальный интерес, с одной стороны, отображает объективную данность и потому поддается рациональному осмыслению, с другой, его приоритеты во многом определяются логикой политических элит, обладающих властными полномочиями на территории государства, пользующихся определенной свободой выбора целей и задач (по Р. Арону). Автор статьи солидарен с позицией исследователей (Ж.Б. Дюрозель и др.), оспаривающих изолированно анализируемый объективный характер национального интереса, и придерживается мнения о не менее важной роли политических элит государства как в процессах политизации национального интереса, так и в процессах его реализации.

Схожая позиция была заявлена и в одной из редакций Концепции национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой «национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции»¹. Предполагается, что интересы личности безальтернативно интегрированы в интересы общества, а последние не гарантированно тождественны интересам государства. Данный подход выходит за пределы логики политического реализма, в котором мотивация государства в международных отношениях зачастую сводится к «реалиям геополитики» [3, с. 443]. Как справедливо отмечает А.П. Цыганков, в спектре комбинаций интересов общества и го-

сударства возможны как ситуации эксплуатации понятия национального интереса «оторвавшимися от нужд общества правящими группировками» [3, с. 443], так и ситуации противоречий интересов общества с интересами государства на международной арене.

В случае продолжительного и деструктивного по своим последствиям конфликта интересов между гражданским обществом и государством, в котором обществом вполне может быть поставлена под сомнение легитимность контролирующих государственных институты политических элит, что в перспективе приведет либо к смене политических элит, либо к деградации политических институтов [2, с. 133] и структурным социально-экономическим кризисам при условии выбора политики подавления оппозиционных настроений. Подобная логика развития общественно-политической ситуации особенно показательна на примере Афганистана на протяжении последних 40 лет, когда один политический режим сменяется другим [4], а одной из причин столь стремительного продвижения «Талибана» в 2021 г. называлось отсутствие поддержки населением существовавшего политического режима. И, напротив, сравнительно высокий уровень лояльности населения Российской Федерации правительству страны позволил противостоять и общественно-политическим кризисам начала 2010-х гг., и беспрецедентному санкционному давлению с 2022 г. Отсюда можно вывести в качестве условия устойчивости государственного образования в долгосрочной перспективе сбалансированность интересов общества и государства в пределах, обеспечивающих защиту от внутривнутриполитических кризисов.

Детерминантами национального интереса автором статьи позиционируются:

1) объективные потребности общества в конкретном историческом и географическом планах, базирующиеся на «своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностях его экономического, политического и культурного развития» [5, с. 162];

2) комбинация субъективной оценки приоритетов развития государства политическими элитами и уровня суверенитета (в трактовке независимости);

3) геополитическая конъюнктура: возникшее в определенный момент времени положение в международных отношениях как отражение процессов реализации национальных интересов их участников, оказывающее влияние на внешнюю политику государства [6, с. 33].

¹ Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/

Указанные детерминанты характеризуются вариативностью влияния на приоритеты национальных интересов. К примеру, объективные потребности общества как сумма потребностей личностей в безопасности, повышении качества жизни относительно статичны, не меняются со временем. С другой стороны, субъективная оценка политическими элитами приоритетов развития государства может кардинально изменяться в сравнительно сжатый временной интервал. Причинами здесь могут выступать: банальная смена политических элит, смена доминирующей идеологии, изменение геополитической обстановки (включая внешнее давление, кризисы, события формата «черный лебедь»).

Соотношение общественной и государственной компонент национального интереса является предметом научной дискуссии. Двумя полярными точками зрения называются либеральный (интерес личности как высшая ценность национального интереса) и консервативный (государственный) подходы [7, с. 288]. Автор настоящей статьи придерживается позиции, согласно которой объективная либо субъективная (в том числе — сформированная под воздействием инструментов «мягкой силы») оценка обществом удовлетворенности базовых интересов выступает фактором легитимации внутренней и внешней политики, проводимой политическими элитами страны.

Условие суверенитета в проведении внешней политики в рамках исследования включается с целью учета отличительных черт внешней политики государств с низким уровнем суверенитета: страны-прокси как проводники национальных интересов и внешней политики государств-патронов; несостоявшиеся государства, политические институты которых не в состоянии обеспечить жизнеспособность страны в политическом, экономическом, социальном смыслах. Для цели настоящей статьи фактор суверенитета становится особенно значимым, учитывая неоднократный переход контроля над территорией Афганистана от одной группы политических элит к другой (от движения «Талибан» к переходной администрации в 2002 г., затем к президентской исламской республике в 2004 г., и вновь — к движению «Талибан» в 2022 г.) за сравнительно непродолжительный период первой четверти XXI в.

ОБСУЖДЕНИЕ

Приведенный подход к систематизации детерминант национальных интересов формирует исследовательские рамки настоящей работы, а также

позволяет сформулировать определяющие для выбранной проблематики вопросы:

- 1) в какой мере реализованы базовые потребности общества рассматриваемых стран как одна из детерминант национального интереса;
- 2) какую направленность имеют приоритеты правительств;
- 3) какое влияние на приоритеты национальных интересов оказывает меняющаяся геополитическая обстановка в XXI в.

Национальные интересы имеют прямое отношение к концептам суверенитета, территориальной целостности, принципу невмешательства во внутренние дела. Внешняя политика, в свою очередь, выступает инструментом реализации национальных интересов в системе международных отношений. Суверенитет определяет степень самостоятельности государств (в лице органов власти) проводить ту или иную внутреннюю и внешнюю политику.

Исследование динамики приоритетов внешней политики в системе национальных интересов Российской Федерации и Афганистана в XXI в. в настоящей работе осуществляется через оценку объективных предпосылок формирования общественного интереса, формально декларируемых государственных интересов и практической реализации внешней политики правительствами рассматриваемых стран. Оценка объективных предпосылок формирования общественного интереса опирается на анализ преимущественно количественных индикаторов качества жизни, состояния защищенности интересов продовольственной безопасности и защиты от насилия.

БАЗОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВА

Отбор критериев и индикаторов объективных предпосылок формирования общественного интереса как базиса внешней политики Российской Федерации и Афганистана опирается на положения нормативно-правовых актов, а также на обзор литературы по соответствующей тематике. Так, Стратегия национальной безопасности США (National Security Strategy) выделяет среди жизненно важных национальных интересов безопасность, жизнеспособность нации. В аналогичных документах Российской Федерации интересы личности и общества вынесены в отдельные компоненты национального интереса, но лишь до 2009 г., после — они отмечаются в составе неклассифицированных национальных интересов. К интересам личности при этом отнесены «реализация конституционных прав и свобод, обеспечение личной безопасности, повышение качества и уровня

жизни»², к интересам общества — «упрочение демократии, создание правового, социального государства, достижение и поддержание общественного согласия»³. В актуальной версии определяющего для национальных интересов страны документа к личным и общественным интересам содержательно можно отнести «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан», «поддержание гражданского мира, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств»⁴.

В качестве синтетических показателей, отражающих компоненту личной безопасности, в анализ включены: индикаторы продовольственной безопасности (доступ к питьевой воде и угроза голода), личной безопасности (смертность населения от травм всех типов). В качестве синтетических показателей, отражающих компоненту качества и уровня жизни, принимаются: валовой внутренний продукт, рассчитанный по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и младенческая смертность. Информационную базу проводимого анализа составляют данные Статистической службы Всемирного банка⁵, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО)⁶, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В качестве референтных значений принимаются в случае наличия среднемировые показатели и показатели наиболее развитой в социально-экономическом смысле группы стран (принимается по странам-членам Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР, OECD). Полученные результаты анализа приведены в табл. 1.

Данные, приведенные в таблице, отображают существенные диспропорции в уровне удовлетворения базовых потребностей личности и общества между Российской Федерацией и Афганистаном. В первом случае наблюдается сравнительно высокий уровень удовлетворения базовых потребностей в питании, питьевой воде, высокий относительно

среднемировых значений уровень ВВП по ППС на душу населения. Во втором — прослеживаются признаки структурного гуманитарного кризиса, неудовлетворенности базовых потребностей общества.

Существенно более значима для внутренней и внешней политики Афганистана проблема обеспечения безопасности гражданского населения, энергетической безопасности (почти 40% потребляемой электроэнергии поступает из Узбекистана [8, с. 324]). В итоге общественные группы как носители национальных интересов сравнительно более чувствительны к рискам дальнейшего снижения качества жизни, что определяет неустойчивость политических элит (их легитимности и в отношении контроля над государственными институтами, и в отношении выражения национальных интересов).

В Российской Федерации гражданское общество менее чувствительно к рискам в отношении качества и уровня жизни, государство в свою очередь получает большие возможности в отношении проведения независимой внешней политики. Как следствие, для российской конъюнктуры национальных интересов характерен изначально сравнительно более высокий уровень легитимности политических элит в вопросах разработки и реализации внешней политики. Безусловно, падение курса национальной валюты в 2015 г., высокая инфляция, падение уровня жизни, угрозы безопасности инфраструктуре и информационное давление сыграли свою роль в общественно-политических отношениях и настроениях общества. В то же время уровень поддержки правительства остается сравнительно высоким и в 2025 г.

В случае Афганистана объективные параметры социально-экономического развития указывают на приоритет внутренней политики (безопасность, защита от террористических угроз), во внешней — направленность на поиск источников снижения гуманитарных рисков при сохранении суверенитета. В итоге для политических элит Афганистана безальтернативным является поиск государств или международных правительственных организаций (МПО), которые примут на себя часть функций в сфере решения проблем продовольственной безопасности, военно-политической безопасности. Этот довод подтверждается и данными международных организаций, и параметрами отраслевой структуры экономики. Иностранная помощь в отдельные периоды XXI в. превышала 75% государственных расходов страны⁷, в том числе — по линии учреж-

² Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁵ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>

⁶ URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>

⁷ URL: <https://crisisresponse.iom.int/response/afghanistan-and-neighbouring-countries-crisis-response-plan-2024>

Индикаторы удовлетворения базовых потребностей личности и общества РФ и Афганистана /
Indicators of satisfaction of basic needs of the individual and society of the Russian Federation of Afghanistan

Год/Year	Российская Федерация / Russian Federation	Афганистан / Afghanistan	Референт / The referent	
			ОЭСР/OECD	Среднемировое / Global average
Доля смертности от травм всех типов (Cause of death, by injury) в оценках ВОЗ,% от числа смертей за период				
2000	12,59	8,18	6,71	8,55
2010	9,43	11,03	6,35	8,86
2020	6,79	17,29	5,92	7,96
2023	–	–	–	–
Распространенность недоедания (среднее значение за 3 года) в оценках FAO,%				
2000	4,1	46,0	н/д	13,0
2010	Менее 2,5	18,3	н/д	8,3
2020	Менее 2,5	29,4	н/д	8,9
2023	Менее 2,5	30,4	н/д	9,1
Процент населения, пользующегося качественной питьевой водой в оценках FAO,%				
2000	75,0	11,0	н/д	61,0
2010	75,0	19,0	н/д	66,0
2020	76,0	28,0	н/д	72,0
2023	76,0	30,0	н/д	73,0
Потребление продуктов питания (ккал/чел./день) в оценках FAO (норма ВОЗ 2500 ккал.)				
2000	2877	1790	н/д	2727
2010	3297	2208	н/д	2832
2020	3367	2266	н/д	2957
2023	3454	2243	н/д	2985
ВВП на душу населения по ППС (в долл. США / чел.)				
2000	6 825,4	813,6	24 685,4	7 994,72
2010	20 490,1	1 765,5	34 584,4	12 852,08
2020	31 490,8	2 562,0	46 412,7	17 725,78
2023	44 120,1	2 211,3	59 491,1	23 033,87
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)				
2000	65,48	55,30	76,91	67,67
2010	68,84	60,85	79,09	70,62
2020	71,34	62,58	78,90	72,20
2023	72,55	62,88	79,63	71,95
Младенческая смертность (чел. / 1000 чел. населения)				
2000	15,50	92,00	11,27	53,00
2010	8,40	64,60	7,60	37,30
2020	4,40	47,40	5,85	29,10
2023	3,80	44,80	5,52	27,90

Источник/ Source: составлено автором по материалам статистической службы Всемирного банка, ООН (FAO), ВОЗ. / Compiled by the author based on the materials of the Statistical Service of the World Bank, the United Nations (FAO), WHO.

денного в 2014 г. Afghanistan Humanitarian Fund (АНФ) под эгидой Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (ОСНА).

Роль социальных групп в определении национальных интересов и проводимой внешней политике стран существенно варьируется. Для современной Российской Федерации, во многом благодаря проводимой политике национального единства и запросу от значимой части населения на укрепление геополитической роли, характерна сравнительно низкая политическая конкуренция. В свою очередь, для современного ИЭА характерна высокая внутривнутриполитическая конкуренция, запрос различных этнических групп на представленность своих интересов, в том числе при взаимодействии с внешними ресурсами. Немаловажную роль в сложившейся ситуации играет наследие проводимой в период ИРА политики конституционных преобразований: с 2003 г. в основу построения высшего уровня власти положен принцип «инклюзивного правительства» [9, с. 162], пропорционального распределения обязанностей между представителями разных этносов, где «Президент ИРА — пуштун, первый вице-президент — таджик, второй вице-президент — хазарец-шиит» [10, с. 381]. В итоге «политическая элита Афганистана испытывает давление со стороны как других государств, так и вооруженной оппозиции» [9, с. 162].

Охарактеризуем далее субъективную компоненту национальных интересов стран в форме декларируемых политическими элитами подходов к внешней политике.

ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В случае с Российской Федерацией решение данной задачи тривиально и опирается на контент-анализ положений Стратегий национальной безопасности (СНБ) и Концепции внешней политики (КВП). Иная ситуация с оценкой приоритетов внешней политики, определяемых политическими элитами Афганистана. В литературе принято выделять в качестве признаков национального интереса отражение ими ключевых потребностей общества и государства; определение ими политической, социально-экономической, духовно-нравственной организации общества; юридическое закрепление в нормативных правовых документах [2, с. 135].

Условие юридического закрепления национальных интересов государства в нормативно-правовых актах как критерий проводимого анализа соблюдается для Российской Федерации, но не соблюдается для Афганистана. Во-первых, международными

организациями, и прежде всего ООН, «Талибан» определяется как фактические власти (*de-facto authorities*) при сохранении статуса террористической организации в ряде юрисдикций. Другими словами, легитимность «Талибана» в вопросах политизации национального интереса может быть оспорена с точки зрения международного права. Во-вторых, ни движением «Талибан», ни предыдущими политическими элитами страны не принят какой-либо нормативно-правовой акт, претендующий на систематизацию национальных интересов. По этой причине проявления субъективных интересов политических элит страны оцениваются по декларируемым целям и фактическим действиям во внешней политике.

Проявлением результатов политизации национального интереса Российской Федерации можно считать серию документов, содержательно направленных на фиксацию национальных интересов, целей развития государства — Стратегий (до 2000 г. Концепций) национальной безопасности 2000, 2009, 2015, 2021 гг. Именно указанные документы (а не, к примеру, Указы Президента Российской Федерации о национальных целях развития⁸) прямо адресованы к национальному интересу. По хронологии подготовки обновленных редакций Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (табл. 2) несложно проследить сдвиги во внешней политике и приоритетах национальных интересов: от интеграции в существующие глобальные структуры (в которых фактически доминировали США) в 2000-х гг. и исключения «затратной» конфронтации к независимой политике, направленной на защиту собственных интересов.

Первое десятилетие XXI в. для Российской Федерации характеризовалось высокими темпами экономического роста после деструктивных последствий кризиса «переходной экономики», подавления сепаратизма и экстремистской угрозы. Как следствие, направленность национальных интересов преимущественно внутрь страны. В силу своих масштабов, природно-географического положения, военно-политического потенциала Российская Федерация безальтернативно вовлекалась в политические, экономические связи. Базой этой интеграции в первое десятилетие XXI в. выступали сформированные в последней четверти XX в. структуры, в которых изначально было сильно влияние

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

Формат внешней политики Российской Федерации согласно действующим редакциям Стратегии национальной безопасности / Format of the Foreign Policy of the Russian Federation according to the current editions of the National Security Strategy

Редакция документа (год) / Revision of the doc. (year)	Формат внешней политики / The format of foreign policy
2000	Активный внешнеполитический курс (формально не обозначен) с опорой на механизмы многостороннего управления мировыми политическими и экономическими процессами (в том числе Совет Безопасности ООН, участие страны в глобальных и региональных структурах) в направлении обеспечения благоприятных условий для экономического и социального развития, сохранения глобальной и региональной стабильности ^а
2009	Рациональная и прагматичная, исключающая затратную конфронтацию, в том числе и новую гонку вооружений ^б
2015	Открытая, рациональная и прагматичная, исключающая затратную конфронтацию, в том числе новую гонку вооружений ^с
2021	Последовательная, независимая, многовекторная, открытая, предсказуемая и прагматичная, направленная на защиту своих национальных интересов и укрепление международной безопасности ^д

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

Примечание / Note: а – Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/; б – Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/; с – Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ / <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en?years=2023>; д – Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

стран США, Европейского союза. Одной из причин подобной динамики приоритетов выступало унаследованное от СССР членство в ООН и входящих в нее структурах, другой — лояльная позиция российских политических элит к процессам глобализации. Подтверждением готовности к интеграции можно считать присоединение к переговорным процессам G7 (с принятием России в 1997 г. стала G8 и действовала в таком формате до 2014 г.), переговоры о присоединении России к НАТО (с 1994 г. Россия — член программы «Партнерство ради мира», в 1997 г. создается Совместный постоянный совет (СПС) встреч НАТО+1 с участием России, с 2002 г. — Совет Россия — НАТО), курс на присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО), несмотря на обоснованную критику со стороны экспертного сообщества и представителей реального сектора экономики. В военно-политическом смысле одним из приоритетов внешней политики страны сохраняется защита границ и обеспечение стабильности в Центральной Азии. Этот приоритет находит свое

выражение в учрежденных в 1992 г. Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в 2001 г. Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Расширение НАТО на Восток в 2004 г., вопреки дипломатическим усилиям российской стороны, череда «цветных революций» в зонах стратегического интереса Российской Федерации, российско-грузинский конфликт 2008 г. — прямое отражение изменяющейся геополитической конъюнктуры, проводимой российской стороной внешней политики.

Качественные изменения в проводимой внешней политике произошли на рубеже 2010 г., когда «мягкая сила» в отношении внутривосточной обстановки в стране привела к массовым протестам (протесты 2011–2013 гг.). Сыграл свою роль и экономический фактор: десятилетия роста экономики 2000-х гг. существенно расширили бюджетные возможности российского правительства, повысили качество жизни населения.

Тренд на повышение значимости суверенитета в вопросах внешней политики Российской Федерации прослеживается по частоте упоминания данного термина в редакциях Стратегий национальной безопасности. Анализ текста Стратегий (Концепций) позволил выявить следующую динамику: в документе 1997 г. суверенитет упоминается 5 раз, в документе 2000 г. — 5, в документе 2009 г. — 10, в документе 2015 г. — 9, в документе 2021 г. — 18 раз. Параллельно с этим трендом наблюдается рост значимости многостороннего подхода во внешней политике Российской Федерации (от 2-х упоминаний в документах 1997 и 2000 гг., к 5–7 упоминаниям в последующих документах), но пиком интереса к многосторонности предложенный подход к анализу содержания стратегических документов позволяет считать 2009–2014 гг. (период действия Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ (Д. Медведева) от 12.05.2009 № 537).

Комбинация укрепления экономического суверенитета, нежелания лишиться своего изначального смысла блока НАТО отвечать на курс сближения с Российской Федерацией, неготовности политических элит игнорировать направленные на смену руководства страны воздействия приводят к качественным изменениям национальных интересов и проводимой внешней политики. Восстановление своего влияния в региональном формате российской стороной проявляется в учреждении Таможенного союза (2011 г.), в глобальном формате — создании переговорной площадки с Китаем, Индией, Бразилией в рамках БРИКС. Участие в БРИКС изначально позиционировалось руководством страны как инструмент обеспечения «более справедливого, стабильного»⁹ характера международной валютно-финансовой системы, проведения реальной равноправной многовекторной политики. Документ о БРИКС наглядно иллюстрирует приоритеты, которые определили всю последующую внешнюю политику Российской Федерации вплоть до 2025 г. и определяют ее в настоящее время: справедливость (включая пропорциональное участие в структурах глобального управления), суверенитет (включая информационный), стабильность (в том числе — зон стратегического контроля), позиционирование страны как субъекта глобальной значимости.

Приведенная информация позволяет выявить наиболее значимые изменения во внешней полити-

ке и приоритетах национальных интересов Российской Федерации и, в целом, широко представлена в научном дискурсе. Охарактеризуем далее менее освещенную компоненту субъективной позиции политических элит Афганистана.

ИНТЕРЕСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ АФГАНИСТАНА

Рассматриваемый период XXI в. для внутривнутриполитических процессов страны целесообразно разделить на следующие этапы по признаку контроля над политическими институтами страны.

Первый этап. 1996 до 2001 гг. — политическое руководство страны составляют представители движения «Талибан» (образовано в конце 1980-х гг. на фоне краха политических структур после вывода советских войск [9, с. 165]). Сравнительно молодая политическая сила вступила в конкуренцию с военизированными группировками за представительство интересов гражданского общества. В руководстве «Талибана» присутствовали ветераны войны против правительства страны и ограниченного контингента советских войск, в составе конкурирующих военизированных групп значимую роль играли созданные и финансируемые при участии ЦРУ США [11]. Эти базирующиеся в Пакистане исламские группировки имели связи с внешним миром, в частности с Саудовской Аравией и другими мусульманскими странами, получили общественную поддержку благодаря своим призывам к исламскому единству и джихаду. США и Пакистан отказывались оказывать помощь любой независимой группе, воюющей на территории Афганистана.

В свою очередь, движение «Талибан», преимущественно состоящее из пуштунов, стремилось создать в границах Афганистана государство, основанное на законах шариата. Поддерживаемые США и Пакистаном военизированные группировки провозгласили в 1992 г. Исламское Государство Афганистан (ИГА) [12]. Опираясь на революционные идеи и ислам суннитского толка, «Талибан» получил достаточную для расширения сферы своей деятельности поддержку населения. К 1996 г. сопротивление прежних политических элит «Талибаном» сломлено, подконтрольные территории провозглашены Исламским эмиратом Афганистан (ИЭА). Легитимность нового правительства признали преимущественно региональные страны (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ), для подавляющего большинства международного сообщества «Талибан» — террористическая организация. Как следствие, пространство проводимой внешней политики Афганистана было сужено.

⁹ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (2013). Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>

Второй этап. В период 2001–2021 гг. контролирующие территорию государства политические элиты позиционировали интеграцию с США основным вектором внешней политики. Установившееся после поражения движения «Талибан» афганское правительство оказалось в структурной зависимости от США и международного сообщества как в вопросах обеспечения безопасности, так и в гуманитарной сфере.

Боннское соглашение, подписанное 5 декабря 2001 г., предусматривало план создания «инклюзивного правительства», развитие социальной инфраструктуры, логистики, осуществлялось под эгидой ООН и США. Суммарно за 2001–2021 гг. по линии USAID США направили в Афганистан свыше 120 млрд долл. (в отдельные периоды распорядителем свыше 70% от этой суммы выступало американское Министерство обороны). В исследовательской литературе достаточно широко представлена позиция, что продвижение политических структур западного образца игнорировало исторические и социальные предпосылки Афганистана [13]. В 2005 г. США и Афганистан подписали соглашение о стратегическом партнерстве, обязывающее обе страны к долгосрочным отношениям.

В данный период внешнеполитическое присутствие Афганистана характеризуется признанием международного сообщества (что можно подтвердить открытием дипломатических представительств), но фактически пассивной внешней политикой. Процесс вывода военных сил США растянулся более чем на десятилетие и стал проблемой администраций трех президентов — Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена. В феврале 2020 г. правительство Д. Трампа и афганские талибы заключили мирное соглашение. США объявили об освобождении 5 тыс. заключенных талибов и установили конкретную дату — 1 мая 2021 года — для полного вывода своих войск из Афганистана [14]. Однако этот вывод, первоначально запланированный на 1 мая 2021 г., отложен президентом Дж. Байденом. Администрация Байдена реализовывала стратегию вывода войск к 31 августа 2021 г., несмотря на невыполнение талибами условий соглашения [15]. Афганское национальное правительство, созданное под контролем США, распалось до официального срока, установленного президентом Байденом. 15 августа 2021 г. столица Афганистана, Кабул, была захвачена афганскими талибами силой.

Третий этап. Приход к власти в 2021 г. «Талибана» привел к кардинальному переформатированию внешней политики Афганистана. На возвращение контроля над политическими институтами и территорией страны к «Талибану» международное сообщество отреагировало сокращением помощи развитию

и заморозкой резервов Центрального банка Афганистана со стороны Казначейства США. Со своей стороны, современное правительство талибов отмежевывается от достаточно негативного на международной арене имиджа «Талибан» начала 2000-х гг., заявляет «об умеренности в выражении политических позиций, снижении фактора исламского радикализма и религиозной нетерпимости» [9, с. 168].

Геополитическая обстановка в регионе в начале XXI в. характеризовалась пониженным интересом ведущих сил: США свое внимание сконцентрировали на Восточной Европе, Северной Африке и Юго-Восточной Азии, позиционируя Афганистан как «неудавшееся государство, обремененное значительными проблемами гуманитарного характера» [12, с. 33].

«ТАЛИБАН». ПОИСК УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Китай и Россия концентрировались на внутренней политике. Неразрывный характер экономики и политики для «Талибана» начала XXI в. проявлялся в поисках устойчивой модели экономического развития. Разрушенная войной экономика, высокая демографическая нагрузка, конкуренция политических сил не способствовали росту уровня жизни населения. Во внешней политике этот приоритет проявлялся в проекте прокладки нефте- и газопроводов из Туркмении через территорию Афганистана до южных портов Пакистана (ТАПИ). Международная изоляция и нестабильная обстановка не позволили «Талибану» реализовать ни этот проект, ни проекты привлечения международных инвестиций в разработку месторождений природных ресурсов на территории страны [16, с. 104]. Решением экономической базы деятельности «Талибана» на рубеже 2000 г. стало производство наркотиков, страна стала мировым центром производства опиума.

Правительство США рассматривало «Талибан» как источник стабильности в Центральной Азии, позволяющий построить нефтепровод ТАПИ (сфера прямых интересов США), но практической реализации этот проект не нашел. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон кардинально изменили геополитическую обстановку вокруг Афганистана. «Талибан» отказался выдать обвиняемого в террористических атаках предводителя запрещенного в России движения «Аль-Каида» У. бен Ладена [9, с. 165], США пересмотрели свою политику в отношении Афганистана и начали войну против терроризма («war on terror»).

О значимости Афганистана в системе внешней политики США можно судить по визитам в Афга-

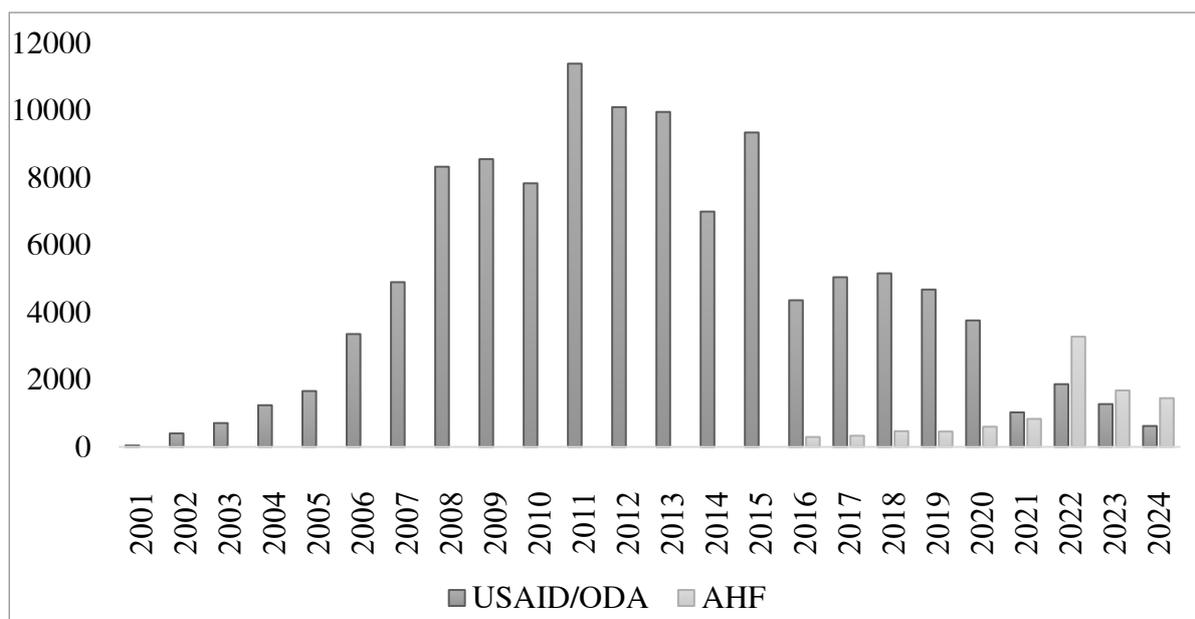

Рис./Fig. Объем финансовой помощи, предоставленной Афганистану по линии USAID / ODA и AHF, млн долл. США / Volume of USAID / ODA / AHF financial assistance provided to Afghanistan by the United States, million USD

Источник / Source: Составлено автором по U.S. Foreign Assistance by Country, Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024 / Compiled by the author from U.S. Foreign Assistance by Country, Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024.

нистан президентов США (Дж. Буш мл. в 2006 г., Б. Обама в 2012 г.), а также по тому факту, что вплоть до 2021 г. именно Афганистан лидировал среди направлений внешней финансовой помощи по линии USAID¹⁰ (см. рисунок). Период 2011–2021 гг. во внутренней и внешней политике Афганистана как страны со структурной зависимостью от внешней помощи характеризуется существенным снижением интереса США. С военной точки зрения задача операции США и союзных сил в Афганистане по свержению «Талибана» выполнена. Финансовая помощь США Афганистану достигла в 2011 г. своего пика в 11 млрд долл.

Примечательно, что именно в 2011 г. (2 мая 2011 г.) в результате операции военного контингента США на территории Пакистана был убит У. бен Ладен — лидер террористической организации «Аль-Каида», на которую была возложена ответственность за теракты 11 сентября 2001 г. Внешняя политика Афганистана в период до вывода иностранных войск в 2021 г. лежала в фарватере внешней политики США и Пакистана. Администрацией Б. Обамы принимается решение о пересмотре значимости «афганского вопроса»,

демократизации страны, принимается решение о поэтапном выводе войск [17, с. 47]. Как отмечали политические элиты соседнего Пакистана, США не имели последовательной цели своей внешней политики в Афганистане (из интервью премьер-министра Пакистана И. Хана¹¹. В этом контексте нарастание предпосылок внутривосточного кризиса на фоне снижения поступающей помощи и сохранения гуманитарных проблем Афганистана видится закономерным.

В вопросах внешней политики современный «Талибан» конфликтует с признанным террористическим Российской Федерацией и подавляющим большинством стран мира «Исламским государством», выдвигает инициативы по легитимации на международной арене, включая:

- гарантии безопасности приграничных территорий соседних стран;
- запрет на выращивание любых растений, из которых производятся наркотические вещества;
- погашение задолженности за поставки электроэнергии в отношении соседних стран (включая долги Исламской Республики Афганистан);
- заявление в 2023 г. о начале выплат по государственной задолженности [18, с. 306].

¹⁰ U.S. Foreign Assistance by Country. Foreign Assistance. URL: <https://foreignassistance.gov/cd/afghanistan/2023/obligations/0>; Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (ООН). URL: <https://fts.unocha.org/plans/1185/summary>

¹¹ Americans never clear on what they're trying to achieve in Afghanistan: Imran. Nagaland Post. URL: <https://nagalandpost.com/index.php/2022/02/11/americans-never-clear-on-what-theyre-trying-to-achieve-in-afghanistan-imran>

Немаловажную роль играет позиция соседних стран, часть из которых заинтересована в сохранении нестабильной обстановки во внутривнутриполитической сфере страны, в том числе — в целях логистики наркотических средств, ослабления политических позиций конкурирующих держав, поддержания очага угроз в регионе. Турция, Иран, Китай и Россия активизировали свою политику в отношении Афганистана [19, 20], что открыло для политических элит страны возможности проведения многовекторной внешней политики.

Современное правительство Афганистана, в отличие от высших органов государственной власти Российской Федерации и ряда других стран, не сформулировало единого и всеобъемлющего документа, содержащего видение национальных интересов, систематизации угроз им, целей и задач реализации интересов. Тем не менее по фактическим результатам внешней политики представителей движения «Талибан» можно проследить состав ее ключевых приоритетов.

Внешняя политика движения «Талибан» после установления контроля над основной территорией Афганистана к 2022 г. среди своих основных приоритетов определила:

- утверждение легитимности через пересмотр своего статуса у региональных и глобальных политических акторов, международное признание [21, с. 166]. К началу 2025 г. «Талибану» удалось добиться существенных успехов в этом направлении внешней политики: в 2023 г. «Талибан» исключается из списка террористических организаций Казахстана, в 2024 г. — Кыргызстаном, российская сторона принимает официальные делегации «Талибана», а в декабре 2024 г. Госдумой Российской Федерации принят закон¹², создающий условия «о приостановлении запрета деятельности Движения талибов, включенного в единый федеральный список организаций..., признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими»¹³;

- привлечение в страну финансовой помощи по линии международных организаций и стран — конкурентов США (прежде всего Китая, который оказывал поддержку стране в 2010-е гг., Российской Федерации как одной из значимых военно-политических сил континента);

- развитие регионального сотрудничества на базе своего геополитического значения, замыкание на территорию страны потоков капитала на принципах многовекторной политики (разморозка проекта ТАПИ)¹⁴, интеграция в проект «Один пояс — один путь» Китая;

- сотрудничество с МПО и соседними странами (прежде всего Ираном и Пакистаном) в вопросах миграционной политики. По состоянию на 2024 г. Афганистан входил в число четырех стран, на которые приходится 65% от всей численности беженцев¹⁵, на протяжении шести последних лет Афганистан является второй по значимости страной происхождения мигрантов на территории Европейского союза;

подавление не лояльных «Талибану» военных сил на территории Афганистана в интересах России, США, Пакистана, стран Центральной Азии, Китая. Прежде всего речь идет о конфронтации со связанной с «Исламским государством» структурой «Islamic State-Khorasan Province» (IS-KP)¹⁶, с которой движение «Талибан» находится в военном противостоянии. В пресечении деятельности IS-KP заинтересованы правительства Ирана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана¹⁷. Практические действия самого «Талибана» косвенно указывают на готовность принять на себя обязательства по обеспечению безопасности граничащих стран от угрозы IS-KP [31]. Другой силой, в подавлении которой заинтересованы соседние страны (преимущественно Индия и Пакистан), выступает группировка «Tehrik-e Taliban Pakistan» (TTP), в отношении которой «Талибан» проводит более сдержанную политику.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ динамики приоритетов и геополитической конъюнктуры внешней политики в системе национальных интересов Российской

¹⁴ Власти Афганистана решили выкупить землю под проект газопровода ТАПИ. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/926301>

¹⁵ United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics>

¹⁶ Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

¹⁷ Bacon T. The Islamic State in Khorasan Province: Exploiting a Counterterrorism Gap. Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap>; The Taliban's Neighbourhood: Regional Diplomacy with Afghanistan. Crisis Group. URL: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap>

¹² Федеральный закон от 28.12.2024 № 513-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/411232397/paragraph/1:0>

¹³ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2009744/

Федерации и Афганистана в XXI в. позволяет прийти к следующим основным выводам.

1. Основные потребности населяющего территории Российской Федерации и Афганистана населения как базис политизации национальных интересов едины: безопасность (включая продовольственную, общественную), повышение качества жизни. Аналогичным образом един и базовый национальный интерес государственного образования — самовоспроизводство государства во времени. Но социально-экономический потенциал их реализации с опорой на национальный социально-экономический потенциал существенно различаются: если российская экономика способна обеспечивать и базовые блага, доступ к питанию, пресной воде, энергии вкупе с положительным сальдо внешней торговли, то афганская экономика структурно зависит от внешних вливаний капитала, импорта продовольствия.

Этим определяются встроенные в общественно-политические отношения Афганистана предпосылки кризиса, снятие которых безальтернативно требует у политических элит страны проведения внешней политики, предполагающей доступ к международной гуманитарной помощи, инвестициям. В качестве подтверждающего этот довод факта в работе приводятся объемы финансовой помощи правительствам Афганистана как в период Исламской Республики Афганистан (ИРА), так и после установления де-факто власти движения «Талибан».

2. Государственные интересы в системе национальных интересов (обретение государственности, утверждение за политическими элитами и государственными структурами статуса института, выражающего национальные интересы, в том числе — во взаимоотношениях с государственными и негосударственными акторами) для обеих стран предполагают признание на уровне международного сообщества. Статусы политических элит Российской Федерации и Афганистана в системе международных отношений варьируются: если политические элиты Российской Федерации, даже в современных условиях глобальной конфронтации, признаются в качестве законного правительства государства, их властные полномочия не оспариваются, то движение «Талибан» как фактически контролирующее политические институты страны не имеет аналогичного статуса (ООН и ряд международных организаций использует термин «де-факто правительство»). В работе продемонстрировано изменение геополитической конъюнктуры реализации данного интереса для Афганистана: от статуса

основного союзника США, не входящего в НАТО, в период ИРА к статусу государства-наблюдателя в ШОС после падения Республики.

3. В вопросах суверенитета во внутренней и внешней политике как проявления национальных интересов позиции стран в XXI в. существенно различаются, хотя общий тренд схож. В начале XXI в. и Российская Федерация, и Афганистан демонстрировали дрейф в сторону интеграции в международные отношения, приоритета вопросов социально-экономического развития над вопросами суверенитета. Ситуация кардинально меняется для Российской Федерации в начале 2010-х гг. на фоне развития оппозиционных движений, явного вмешательства внешних сил, направленных на смещение действующих политических элит.

Императивом формирования и реализации внешней политики обеих стран является позиция США и стран-сторонников США, в том числе — в рамках блоковых объединений военно-политического, экономического, политического плана. Позиция США и, в целом, коллективного Запада в отношении Российской Федерации и Афганистана базируется на сравнительно высоком уровне удовлетворения базовых потребностей гражданского общества и позицией политических элит, состоящей в необходимости поддержания мирового господства и ослаблении позиций стран, ему угрожающих [22, с. 196].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье иллюстрируется трансформация приоритетов внешней политики Афганистана и Российской Федерации как инструмента реализации национальных интересов в XXI в. под влиянием геополитической конъюнктуры. Показано, что большую часть рассматриваемого периода времени (вплоть до 2021 г.) внешняя политика Афганистана во многом определялась ориентацией на США как ключевой страны-поставщика финансовых ресурсов и безопасности во внешне- и внутривнутриполитической сфере. Вывод войск США и неспособность политических элит страны обеспечить защиту от движения «Талибан» привели к установлению последним контроля над политическими институтами. Приоритетами внешней политики Афганистана становятся: утверждение легитимности через пересмотр своего статуса у региональных и глобальных политических акторов; привлечение в страну финансовой помощи по линии международных организаций и стран-конкурентов США; развитие регионального сотрудничества на базе своего геополитическо-

го значения; сотрудничество с МПО и соседними странами в вопросах миграционной политики; подавление нелояльных «Талибану» группировок на территории Афганистана, в том числе в интересах региональных и глобальных акторов. Во внешней политике Российской Федерации просматривается во многом аналогичный тренд, но отличающийся несравненно более высоким уровнем суверенитета. Вплоть до конца 2000-х гг. российские власти демонстрируют готовность к интеграции в международные отношения с признанием равноправной роли

США, России, ЕС, параллельно развивая собственные проекты (ШОС, ЕАЭС). На фоне наблюдаемого усиления присутствия стран НАТО в стратегически важных для страны регионах, давления на общественно-политические процессы в России со стороны США (с пиком в форме протестов начала 2010-х гг. на Манежной площади) Российская Федерация пересматривает свою внешнюю политику в направлении активного использования военно-политических инструментов, конфронтации с коллективным Западом во главе с США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селюков А.Д. Национальные интересы как основа государственности. *Юридическая наука в Китае и России*. 2023;(6):12–21. DOI: 10.17803/2587-9723.2023.6.012-021
2. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности государства: Россия vs Запад. *Гуманитарий Юга России*. 2024;13(5):133–144. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.8
3. Цыганков А.П. Внешняя политика России: к комплексному осмыслению. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020;20(3):441–448. DOI:10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448
4. Saleem S.M. et al. Afghanistan: Decades of collective trauma, ongoing humanitarian crises, Taliban rulers, and mental health of the displaced population. *Asian journal of psychiatry*. 2021;65:102854. DOI: 10.1016/j.ajp.2021.102854
5. Цыганков А.П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику. В: *Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке*. Москва; 1992:162–163.
6. Столков Д.С. Язык дипломатии многополярного мира. К выходу концепции внешней политики 2023 года. *Обозреватель*. 2023;5(400):33–42. DOI: 10.48137/2074-2975_2023_5_33
7. Босхолов С.С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности. *Академический юридический журнал*. 2023;24–3(93):288–292. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).288–292
8. Обухова А.Н. Значение и перспективы международного партнерства с Афганистаном в сфере энергетики, логистики, технологий. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024;3(29):320–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332
9. Малик Е.Н. Трансформация политической системы в Афганистане: проблемы формирования «инклюзивного правительства». *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(1):162–173. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173
10. Нессар О.М. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015;(9):379–383. URL: <https://elibrary.ru/vduvyf>
11. Jabeen M., Mazhar P.D. M. S., Goraya N. S. US Afghan Relations: A Historical Perspective of Events of 9/11. *South Asian Studies*. 2020;25(1):143–173. URL: <http://111.68.103.26/journals/index.php/IJSAS/article/viewFile/2781/1039>
12. Сушенцов А.А. Эволюция центральноазиатской политики США: между выводом советских войск из Афганистана и началом «войны с террором» (1989–2001). Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014;1(7):22–39. URL: <https://elibrary.ru/tkjtkr>
13. Boni F. Afghanistan 2021: Us withdrawal, the Taliban return and regional geopolitics. *Asia Maior*. 2022;32:375–391. URL: <https://oro.open.ac.uk/84362/1/16-AM2021-Afghanistan.pdf>
14. Bashir M., Bashir N. A critical review of policy shift in Pak-Afghan-US relations after withdrawal OF USSR from Afghanistan (1988–2023). *Journal of Arts & Social Sciences*. 2024;11(2):79–88. URL: <https://ojs.jass.pk/ojs/index.php/jass/article/download/495/192>
15. Miller L. Biden's Afghanistan Withdrawal: A Verdict on the Limits of American Power. *Taylor & Francis Online*. 2021:37–44. DOI: 10.1080/00396338.2021.1930404

16. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт востоковедения РАН; 2014. 216 с. URL: <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistana.pdf?ysclid=mb825s6aom689602147>
17. Лаумулин М. Центральноазиатская политика США при президентстве Б. Обамы. *Центральная Азия и Кавказ*. 2010;13(4):47–62. URL: <https://elibrary.ru/pxsfpn>
18. Окимбеков У.В. Афганистан 2023 г.: социально-политическая и экономическая ситуация. Вестник Института востоковедения РАН. 2024;3(29):301–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-301-311
19. Кефели И.Ф., Комлева Н.А. Проекты Большой Евразии и «Великого Турана» — путь к объединению народов? *Проблемы национальной стратегии*. 2023;4(79):82–105. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_82
20. Клименко А.Ф. Китай, Россия и другие участники ШОС в новых афганских реалиях. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. 2022;27(27):160–175. DOI: 10.48647/IFES.2022.22.71.020
21. Бахадари А.Ф. Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(4):163–172. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-4-163-172
22. Цыганков А.П. Смена эпох. Русское западничество и международные отношения. *Россия в глобальной политике*. 2024;22–2(126):196–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-196-212

REFERENCE

1. Selukov A.D. National interests as the basis of statehood. *Legal Science in China and Russia*. 2023;(6):12–21. (In Russ.). DOI: 10.17803/2587-9723.2023.6.012-021
2. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Role of political elite in ensuring national security of the state: Russia vs West. *Humanitarian of the South of Russia*. 2024;13(5):133–144. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.8
3. Tsygankov A.P. Russia's foreign policy: towards a comprehensive understanding. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2020;(3):441–448. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448
4. Saleem S.M. et al. Afghanistan: Decades of collective trauma, ongoing humanitarian crises, Taliban rulers, and mental health of the displaced population. *Asian journal of psychiatry*. 2021;65:102854. DOI: 10.1016/j.ajp.2021.102854
5. Tsygankov A.P. Hans Morgenthau: A look at foreign policy. *Power and Democracy: Foreign Scientists on Political Science*. М.; 1992:162–163. (In Russ.).
6. Stolkov D.S. The language of diplomacy of the multipolar world. Toward the release of the foreign policy concept of 2023. *Obozrevatel*. 2023;5(400):33–42. (In Russ.). DOI: 10.48137/2074-2975_2023_5_33
7. Boskholov S.S. In search of the balance of interests of the individual, society and the state in the sphere of ensuring national security: *Academic Law Journal*. 2023;3(93):288–292. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).288-292
8. Obukhova A.N. Significance and prospects of international partnership with Afghanistan in the field of energy, logistics, technology. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2024;3(29):320–332. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332
9. Malik E.N. Transformation of the political system in Afghanistan: the problems of forming an “inclusive government”. *Izvestiya South-West State University. Series: History and Law*. 2022;12(1):162–173. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173
10. Nessar O.M. Ethno-tribal factor and political process in modern Afghanistan. *Islam in the Near and Middle East*. 2015;(9):379–383. URL: <https://elibrary.ru/vduvyf> (In Russ.).
11. Jabeen M., Mazhar P.D. M. S., Goraya N.S. US Afghan Relations: A Historical Perspective of Events of 9/11. *South Asian Studies*. 2020;25(1):143–173. URL: <http://111.68.103.26/journals/index.php/IJSAS/article/viewFile/2781/1039>
12. Sushentsov A.A. Evolution of US Central Asian Policy: Between the Withdrawal of Soviet Troops from Afghanistan and the Beginning of the «War on Terror» (1989–2001). Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2014;1(7):22–39. URL: <https://elibrary.ru/tkjtkr> (In Russ.).
13. Boni F. Afghanistan 2021: Us withdrawal, the Taliban return and regional geopolitics. *Asia Maior*. 2022;32:375–391. URL: <https://oro.open.ac.uk/84362/1/16-AM2021-Afghanistan.pdf>
14. Bashir M., Bashir N. A critical review of policy shift in Pak-Afghan-US relations after withdrawal OF USSR from Afghanistan (1988–2023). *Journal of Arts & Social Sciences*. 2024;11(2):79–88. URL: <https://ojs.jass.pk/ojs/index.php/jass/article/download/495/192>

15. Miller L. Biden's Afghanistan Withdrawal: A Verdict on the Limits of American Power. *Taylor & Francis Online*. 2021;37–44. DOI: 10.1080/00396338.2021.1930404
16. Belokrenitsky V. Ya., Sikoev R. R. Taliban Movement and Prospects of Afghanistan and Pakistan. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2014. 216 p. URL: <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistana.pdf?ysclid=mb825s6aom689602147> (In Russ.).
17. Laumulín M. Central Asian policy of the USA under the presidency of B. Obama. *Central Asia and Caucasus*. 2010;13(4):47–62. URL: <https://elibrary.ru/pxsfpn> (In Russ.).
18. Okimbekov U. V. Afghanistan 2023: socio-political and economic situation. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2024;3(29):301–311. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618–7302–2024–3–301–311
19. Kefeli I. F., Komleva N. A. Projects of Greater Eurasia and “Great Turan” — a way to unite peoples? *Problems of National Strategy*. 2023;4(79):82–105. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079–3359_2023_4_82
20. Klimenko A. F. China, Russia and other SCO participants in the new Afghan realities. China in world and regional politics. *History and Modernity*. 2022;27(27):160–175. (In Russ.). DOI: 10.48647/IFES.2022.22.71.020
21. Bahadari A. F. The Revival of the Taliban in Afghanistan in the context of the withdrawal of American forces: Prospects for the movement and relations with Russia. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;(4):163–172. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223–1501–2022–12–4–163–172
22. Tsygankov A. P. Change of Epochs. Russian Westernism and International Relations. *Russia in Global Politics*. 2024;22–2(126):196–212. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810–6439–2024–22–2–196–212

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Хикмат Рахматулла — аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Hikmat Rahmatullah — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-5027-6165>

khikmat.rakhmatulla@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.